
Руководство Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.: национальное, общественное, личное

Владимир Сапон

The leadership of Nizhny Novgorod region in 1917 and 1918: national, public, personal aspects

*Vladimir Sapon (Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University, Russia)*

Захватив власть осенью 1917 г., большевики столкнулись не только с сопротивлением недружественных общественно-политических сил, но и с целым рядом проблем внутреннего характера. Продолжение революционного эксперимента напрямую зависело от взаимодействия национальных группировок в партии и формирующихся органах власти, от соотношения местных «кланов» и интенсивности их контактов с центром, даже от психологической совместимости отдельных личностей, особенно занимавших руководящие посты на различных этажах партийно-государственной иерархии. В данной статье рассмотрены коллизии формирования и функционирования соответствующих руководящих структур на материалах Нижегородской губ. в период с осени 1917 г. до осени 1918 г. Отметим, что в таких географических и хронологических рамках указанный исторический сюжет впервые рассматривается в отечественной историографии.

Среди активистов нижегородских левых партий до Первой мировой войны явно преобладали представители славянских народов, в первую очередь великороссы. Ситуация заметно изменилась в годы войны, когда в Нижегородскую губ. переместились десятки тысяч переселенцев из западных регионов империи, преимущественно евреи, поляки и латыши. Вместе с переселенцами (среди которых было немало рабочих эвакуируемых предприятий) в город прибыло немало функционеров различных социалистических партий: левые эсеры, польские социалисты («левицовцы»), литовские социал-демократы и, конечно же, большевики, в рядах которых числилось немало выходцев из диаспор. После октябрьского переворота 1917 г. они получили шанс войти в местный «политический класс». Приведём лишь наиболее яркие примеры¹.

© 2016 г. В.П. Сапон

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного 21 июня 2014 г. на международном семинаре «От товарищеского к государственному, и обратно: политические практики дружбы, фракционности и партийности в предсталинском СССР (1917–1928 гг.)» в Центре сравнительных исторических и политических исследований (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

¹ См., например: *Сапон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014; *он же.* Небольшевистские левые партии в Нижегородской губернии в 1917–1920 гг. ППС (левица). Н. Новгород, 2011; *он же.* Предисловие // Евреи в общественно-политической жизни Нижегородской губернии (1914–1920 гг.): Документы и материалы / Сост. В.П. Сапон. Н. Новгород, 2012. С. 3–37; *он же.* Евреи во главе советской системы управления Нижегородской губернии в 1917–1919 гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура: Материалы международной научной конференции 27 апреля 2014 г. СПб., 2014. С. 268–273.

В декабре 1917 г. большевики сформировали в Нижнем Новгороде Военно-революционный штаб, состоявший из двух отделов – политического и военного. На базе политотдела в марте 1918 г. образовалась Нижегородская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (Нижгубчека), председателем которой стал еврей Я.З. Воробьёв (большевик), а секретарём – поляк С.В. Валенчевский (на тот момент левый эсер)². На базе военного отдела со временем появился губернский военный комиссариат (НГВК). Весной 1918 г. им фактически управлял дуумвират, который составили Б.И. Краевский и И.Л. Коган³. 16 июня 1918 г. они были избраны председателями коллегии НГВК, при этом обязанности секретаря коллегии возложили на Э.А. Гондельмана⁴. В партийной организации нижегородских большевиков видную роль играли подпольщик с дореволюционным стажем С.А. Левит и Г.С. Биткер, который 21 ноября 1917 г. получил должность губернского комиссара продовольствия⁵. В следующем году Биткер стал одним из создателей и руководителей губернского совета народного хозяйства (Губсовнархоза)⁶.

Одним из младших политических партнеров большевиков стали «левицовцы», получившие ряд ответственных постов в органах советской власти. Так, И.И. Любецкий занял должность губернского комиссара юстиции, а затем стал председателем губернского революционного трибунала⁷. Его заместителем был назначен председатель комитета Нижегородской секции «левицы» В.Я. Доманьский⁸.

Вскоре после взятия чешскими войсками Казани в Нижнем Новгороде был создан очередной Военно-революционный комитет (ВРК). В его первый состав вошли два русских – Г.В. Фёдоров (председатель) и С.А. Акимов, а также четыре еврея: Л.М. Каганович, Я.З. Воробьёв, И.Л. Коган и И.С. Шелехес (в качестве секретаря)⁹. 3 сентября 1918 г. Когана сменил латыш В.И. Межлаук¹⁰. Отметим, что деятельность этого органа чрезвычайной власти не имела специфически этнических черт: нижегородские «диктаторы» проводили мероприятия по «защите революции», известные из истории других парторганизаций, включая террор против классовых врагов.

На многонациональном «левом фронте» представители национальных меньшинств играли весомую, а зачастую и руководящую роль, поэтому в партийно-хозяйственном руководстве губернии ксенофобия, судя по всему, не имела широкого распространения. Нам удалось обнаружить в документах лишь один пример межличностного конфликта на национальной почве. Член

² О С.В. Валенчевском подробнее см.: *Сапон В.П.* Поляки в политической жизни Нижнего Новгорода // Нижегородская земля – наш общий дом. Материалы областной научно-практической конференции, 9 ноября 2011 г. Н. Новгород, 2011. С. 129–130.

³ Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦА НО), ф. Р-3048, оп. 5, д. 39, л. 344.

⁴ Там же, оп. 1, д. 58, л. 36 об.

⁵ См.: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957. С. 367.

⁶ ЦА НО, ф. Р-56, оп. 1, д. 104, л. 458.

⁷ Рабоче-крестьянский нижегородский листок. 1919. № 221. 9 октября. С. 8.

⁸ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПА НО), ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 6–6 об.

⁹ См.: Евреи в общественно-политической жизни Нижегородской губернии (1914–1920 гг.)... С. 125; Забвению не подлежит: Известные страницы нижегородской истории (1918–1984). Кн. 2. Н. Новгород, 1994. С. 72.

¹⁰ См.: Забвению не подлежит... С. 85.

исполкома Нижегородского горсовета рабочих и красноармейских депутатов П.А. Емельянов, выполняя обязанности члена коллегии жилищного отдела, «уплотнил» отца и сына Гетманских и опечатал их «по-бюрократически» обставленную квартиру. Позднее О.Е. и Д.О. Гетманские были арестованы, однако довольно быстро оказались на свободе. Емельянов обратился с запросом к председателю Нижгубчека, но сделал это весьма не деликатно: заметил «как товарищу, что не пристрастен ли Воробьёв к своей национальности, почему освободил Гетманских»¹¹. В ответ Воробьёв не только назвал заявителя контрреволюционером, но и пригрозил официальным расследованием. 23 октября 1918 г. Емельянов написал по этому поводу заявление в горком РКП(б) Нижегородского Новгорода. Определив для «контрреволюционеров» Гетманских «достойное наказание» («тюрьма или виселица»), Емельянов здесь же заявил: «Если красный революционный террор расстреливает по 40 человек русских¹², то этим евреям туда прямая дорога, так как то брожение в народе и затаенная злоба и ненависть, что евреям всё можно»¹³. Однако столкновение с председателем губчека имело для него печальные последствия. 5 декабря 1918 г. на пленуме Нижегородского губкома партии Емельянов был обвинён в антисемитизме и исключён из партии как человек, не соответствующий высоким требованиям интернационализма¹⁴.

Ключевой проблемой для нижегородских большевиков после захвата власти стало формирование органов управления. 2 ноября 1917 г. в ходе перевыборов Нижегородского совета рабочих и солдатских депутатов большевики и их левые союзники составили большинство во Временном губернском исполкоме. Позиции большевиков ещё больше упрочились после того, как 7 ноября 1917 г. представители эсеров, меньшевиков и бундовцев вышли из состава исполкома, а его председателем был избран старый подпольщик, бывший депутат II Государственной думы И.Р. Романов.

Добровольный отказ правых социалистов от активной борьбы за влияние, с одной стороны, предоставил большевикам полную свободу действий, но с другой, поставил их перед острой кадровой проблемой. Более того, в городе нашлись «правые» большевики (в частности, Г.С. Биткер, А.В. Савельева), которые, по примеру высокопоставленных товарищей из ЦК РСДРП(б), отказались разделить ответственность за последствия революционного переворота и не приняли постов в новой структуре губернской власти.

Со временем одной из проблем формирования губернских органов советской власти стало налаживание деловых взаимоотношений между губкомом РКП(б) и губисполкомом. Как уже указывалось, среди большевиков было немного работников, имевших опыт политико-организационной деятельности (даже подпольной) и получивших законченное среднее образование (не говоря уже о высшем). Все лучшие в этом смысле силы были направлены на выстраивание органов советской власти, которая стала основой новой революционной государственности, в связи с чем до рутинной работы в губернской партийной вертикали просто не доходили руки.

На эти «внутренние» заботы накладывались и «внешние» проблемы, возникавшие на каждом новом этапе революционного процесса в стране и губернии.

¹¹ См.: ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 306, л. 8–9.

¹² Речь идёт о заложниках, казнённых по приказу Нижегородского ВРК в сентябре 1918 г.

¹³ ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 306, л. 18–18 об.

¹⁴ Там же, д. 15, л. 8.

В марте 1918 г., разойдясь с большевиками в вопросе о «похабном» Брестском мире и распределении властных полномочий, левые эсеры покинули посты в губисполкоме (в июле, после «левоэсеровского мятежа», их — за редкими исключениями — окончательно вывели из всех властных структур на губернском и уездном уровнях)¹⁵. Одновременно в стране началась Гражданская война, которая в августе того же года непосредственно затронула Нижегородскую губ. в виде наступления белочешских войск. Клубок политических и организационно-технических проблем ещё больше запутывался сложной совокупностью личных симпатий и антипатий, которые определялись принадлежностью к тем или иным территориальным, производственным, идейным группировкам или просто субъективно-психологическими причинами. Накал эмоций в большевистском руководстве иногда достигал такой высокой температуры, что её не мог скрыть даже формальный стиль официальных документов. Попробуем проследить эту коллизию по протоколам Нижегородского губкома РКП(б) и другим образцам делопроизводства.

В начале 1918 г. ряд старых партийцев поднял вопрос о восстановлении в губернии нормальной партийной работы, причём с попыткой опереться на прослойку статусных большевиков — так называемых активных работников. 7 января последние провели собрание (председатель — Н.М. Фёдоровский, секретарь — М.С. Сергушев), на котором рассматривались вопросы о партийной работе и о губернском комитете. Фёдоровский сразу же обозначил проблему: «Мы как целая организация не существуем, каждый из наших работников работает на свой страх и риск». В этой связи он выразил опасение, что из-за ошибок отдельных партийцев может быть дискредитирована партия в целом¹⁶. Выступивший далее Сергушев отметил, что прошедшая в декабре 1917 г. губернская партконференция не имеет авторитета среди активистов. В итоге губком обратился за моральной поддержкой к активным работникам партии и предложил проводить их еженедельные собрания, на которых совместными усилиями решать важнейшие вопросы¹⁷.

Сергушев сделал доклад и по второму вопросу повестки дня — о губернском комитете партии. Он, в частности, отметил, что количество его членов уменьшено до 9 человек, тем не менее даже из этого состава многие фактически самоустраились от выполнения обязанностей. Докладчик предложил собранию выдвинуть кандидатуры в губком из своей среды, «но ввиду того, что из состава собрания не нашлось кандидатов, то решено поручить районам представить по одному человеку: Сормово, Канавино и Мыза»¹⁸.

В феврале 1918 г. прошла очередная губернская партконференция, однако она тоже не решила задачу создания «такого губернского комитета, который фактически мог бы объединить и руководить всей партийной работой»¹⁹. Одним из центров принятия политических решений, в силу слабости губкома, оставались собрания активных работников партии. В частности, именно на од-

¹⁵ См., например: *Сапон В.П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Н. Новгород, 2008. С. 132–136, 145–146.

¹⁶ ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 1–1 об.

¹⁸ Там же, л. 2–2 об.

¹⁹ Цит. по: Горьковская областная организация КПСС: Хроника. Кн. 1. Горький, 1989. С. 159. Председательский пост остался у Н.Ф. Фёдоровского, пост секретаря губкома сохранил М.С. Сергушев. Примечательно, что только на этой конференции председатель губисполкома И.Р. Романов был введён в состав губкома партии. См.: ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 8.

ном из них, 6 апреля 1918 г. (присутствовало 63 человек), вновь рассматривался вопрос об организации власти в губернии²⁰. Часть участников выступила за создание губернского совета народных комиссаров, другие же (Г.С. Биткер, С.М. Кузнецов, А.Д. Костин, М.С. Хомутов, А.И. Таганов), возражая против «комиссародержавия», высказались за создание губисполкома, формируемого и подотчетного губернскому съезду советов. По словам Кузнецова, «разложение в партии и вопросы о конструировании власти вызваны были выходом московских товарищей из Совета Народных Комиссаров, такое же явление было везде и даже в Нижнем в октябрьские дни».

Ещё более принципиально вопрос поставил Костин: «Мы теперь оторвались от масс, мы отгородились от неё штыками, мы идём к массам, когда только наступают перевыборы, а в другое время рабочий к нам является не другом, а как к власти. Мы должны конструировать власть путём время от времени переизбиравшихся советов»²¹. В отличие от предыдущих ораторов Таганов обратил внимание партийного актива на человеческий фактор: он подчеркнул, что «опасность руководства деятельностью Совета заключается во влиянии отдельных лиц и отдельных группировок. У нас нет строительной работы, у нас есть влияние отдельных лиц и в этом ужас положения»²². Оратор призвал товарищей «приветствовать коллегиальность в организации, а также и отчётность, отчётность и отчётность»²³.

Наибольшей глубины кризис партийной вертикали власти и межличностные коллизии в нижегородской революционной элите достигли в мае: дело дошло до того, что собрание партийных работников отказалось поддержать постановление губкома, связанное с отзывом некоторых ответственных работников из советских органов. «Развал» в местной парторганизации обсуждался на заседании губкома 20 мая. На этот раз было решено обратиться за содействием в ЦК РКП(б), а также «апеллировать к организованным массам», а именно – к районным парторганизациям. На том же заседании был выработан порядок дня губернской партконференции, намеченной на 15 июня²⁴.

На следующем заседании губкома (прошедшем, предположительно, 26 мая²⁵) М.С. Сергушев сообщил об итогах поездки в Москву, где сделал доклад о положении дел в Нижнем Новгороде Я.М. Свердлову. Он вполне объективно описал послеоктябрьский период губернской истории: «В общем и целом с самого начала октябрьской революции лучшие и видные партийные работники ушли почти всецело на советскую работу и ощущался острый недостаток партийных работников. В декабре месяце на партийной губернской конференции был выдвинут Губ. К-т из членов партии средней степени, благодаря чему его работа была не очень плодотворна и активна, но затем на следующей

²⁰ Отметим, что Романов, назначенный докладчиком по этому вопросу, уехал, не поставив в известность губком, поэтому с тезисами по рассматриваемому вопросу выступил секретарь губкома Сергушев. См.: Там же, л. 15.

²¹ Там же, л. 16–17.

²² Там же, л. 18–19.

²³ Там же, л. 19. Со своей особой точкой зрения выступил Г.С. Биткер. Он, в частности, заявил: «Сейчас существует не диктатура пролетариата, не диктатура крестьянства, а мужицкая диктатура. И солдатские шинели и мужицкие армяки, эта серая масса на последней партийной конференции задавили кучку сознательных партийных работников». Остальные участники мероприятия тут же подвергли его жёсткой критике как «правого» большевика.

²⁴ Там же, л. 31 об.

²⁵ Там же, л. 34.

и последней конференции был выдвинут Губ. К-т из более активных сил партии. Этот Комитет принимал меры созывать собрание активных работников, которые благодаря отсутствия таковых несколько раз не собирались.

Говорил также, что у нас при Совете фракции не было и до сих пор нет, хотя было постановление губернского Комитета... Ввиду личной позиции некоторых членов И.К., являющихся руководителями его, создалось ненормальное и нетерпимое положение... Нерешительность Губ. К-та я объяснил тем, что заменить тов. Романова у нас нечем, а посему я высказал необходимость заменить т. Романова кем-либо из центра. А его же взять туда. В частности, я просил командировать к нам т. Семашко»²⁶.

Н.А. Семашко (в скором времени занявший пост наркома здравоохранения РСФСР) не захотел возвращаться в Нижегородскую губ.; вместо него прибыл другой перспективный партийный работник – Л.М. Каганович. Воспоминания будущего сталинского приближённого о нижегородском эпизоде его жизни пока не опубликованы²⁷, но, вероятно, вслед за командированными партработниками более поздних времён он мог написать: «Там крупная партийная организация... в основном состоящая из рабочих. Почти все члены губкома дореволюционные коммунисты, тоже из рабочих. Но обстановка там сложная, резко проявляются местнические настроения: работников из других губерний принимать не желают»²⁸.

Каганович прибыл в Нижний в мае 1918 г., но, несмотря на статус члена ВЦИК и направление от ЦК РКП(б), не сразу был допущен в местное партийно-хозяйственное руководство и какое-то время даже зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом²⁹. Только при энергичном содействии Семашко он был введён в состав Нижегородского губкома, который одновременно усилили несколькими сормовичами³⁰. 22 июня на заседании губкома Кагановича избрали председателем его президиума³¹. Кроме того, с 26 июня он выполнял обязанности товарища председателя губисполкома³².

На этом этапе своей политической карьеры Каганович не имел пристрастий по отношению к тем или иным «местническим группировкам». Точнее сказать, после оказанного ему весьма нетоварищеского приёма он мог только резко негативно относиться к такой постановке дела в губернии. Получив высший пост в губернской иерархии РКП(б) и подобрав себе более-менее надежных помощников³³, «московский гость» сосредоточил все властные полномочия в

²⁶ Там же, д. 17, л. 33–33 об.

²⁷ Интервью Кагановича (1971 г.), посвящённое нижегородскому периоду его жизни, см.: Сапон В.П. Новый источник о деятельности Л.М. Кагановича в Нижнем Новгороде в годы Гражданской войны // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(1). С. 262–265.

²⁸ Такое напутствие сделал В.М. Молотов А.И. Микояну, летом 1920 г. направленному на партработу в Нижний Новгород. «В заключение он сказал, что работать в Нижнем мне будет трудно, всем там заправляет спешаяся местническая группировка». См.: Микоян А.И. В начале двадцатых... М., 1975. С. 24.

²⁹ ЦА НО, ф. 2345, оп. 1, д. 267, л. 1. О том же см.: Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3(1). С. 263.

³⁰ См.: Рабоче-крестьянский нижегородский листок. 1918. № 113. 31 мая. С. 2. Фамилия Л.М. Кагановича среди участников заседания Нижегородского губкома РКП(б) впервые упоминается в протоколе от 1 июня 1918 г. См.: ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 41, 42.

³¹ ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 51 об.

³² См.: ЦА НО, ф. Р-56, оп. 1, д. 25, л. 441; д. 10, л. 14, 15.

³³ На заседании губкома 22 июня 1918 г. избраны в президиум этого органа: председателем Каганович, товарищем председателя Машковцев, секретарем Сергушев. Тогда же Романов был

президиуме губкома партии и развернул энергичную деятельность. Товарищам по партии было настоятельно предложено «проявить максимум энергии, в особенности в организационном вопросе», причём начать пришлось с ординарных мер по внедрению дисциплины труда³⁴.

«Головной болью» губернского партруководства по-прежнему оставались вопросы выстраивания деловых взаимоотношений с губисполкомом, во главе которого стоял И.Р. Романов. Влиятельный местный политик с 20-летним партийным стажем не проявлял особого желания подчиниться «приезжему» функционеру, даже наделённому полномочиями ЦК партии, поэтому Кагановичу пришлось потратить немало усилий и времени, чтобы доказать и отстоять свой административный авторитет. Так, 29 июня на заседании губкома он внёс предложение: для координации деятельности президиума губкома партии и президиума губисполкома направлять членов первого органа на заседания второго³⁵. Причём было специально оговорено: «Мы, делая это постановление, не исходили из доверия или недоверия, а исключительно руководствовались пользой дела и т.д.»³⁶. Председатель губкома настоял на том, чтобы его предложение не только морально одобрили, но и оформили в качестве официального решения высшего губернского парторгана³⁷.

На том же заседании Каганович и его соратники продемонстрировали решимость взять в свои руки и кадровую политику в органах власти губернии. В частности, одним из вопросов, по которому произошло выяснение отношений между губкомом и губисполкомом, стала профессиональная пригодность секретаря президиума губисполкома К.Г. Хахарева. Секретарь губкома Сергушев опроверг мнение товарищей, полагавших, что Хахарева отозвали из президиума губисполкома за резкость и грубость. По словам докладчика, главная проблема состояла в том, что тот «не обладает способностью быть секретарём в таком высшем политическом учреждении, каковым является президиум исполкома». Зато его можно с пользой для дела направить на работу в губернскую комиссию по борьбе с контрреволюцией³⁸. В таком же духе высказались члены губкома Каганович, Л.В. Машковцев, Таганов и «нечлен» Костин³⁹.

Двое возразивших не столько защищали Хахарева, сколько отстаивали свои «корпоративные» интересы. Так, председатель Нижгубчека Воробьёв выразил удивление по поводу такого подхода: «Если т. Хахарев по своей грубости не может быть в президиуме, тогда его посылают к нам. Выходит так: “На тебе боже, что мне негоже”. Этот взгляд на нашу комиссию неправилен. Нам нужны люди не грубые, а выдержанные». Романов свою критику обратил против Сергушева и Кагановича, которые, по его мнению, «стараются замазать дело»⁴⁰. Голосование по вопросу о командировании Хахарева в губчека продемонстрировало распределение сил в губкоме: 6 «за», 2 «против», 1 воздержался⁴¹.

утвержден на должности председателя губисполкома – «большинством 6 голосов, при 2 воздержавшихся» (см.: ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 51). Довольно скоро соотношение голосов в губкоме изменится не в пользу этого ветерана партии.

³⁴ ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 3.

³⁵ Там же, д. 18, л. 7.

³⁶ Там же, л. 7 об.

³⁷ Там же, л. 8 об.

³⁸ Там же, л. 9.

³⁹ См.: Там же, л. 8 об.–10 об.

⁴⁰ Там же, л. 8 об.–9 об.

⁴¹ Там же, л. 10 об.

Следующий вопрос касался другого видного нижегородского большевика — Костина. Он подал заявление о выходе из состава губернского совета народного хозяйства и из губчека (правда, в последней он практически и не работал), мотивируя это тем, что «быть в исполкоме и нести $\frac{1}{25}$ ответственности нельзя, когда знаешь заранее, что никакой определённой и твёрдой политики не будет, а будет опять такая же безалаберность и полная бессистемность» (второй причиной своей отставки Костин назвал нежелание работать в исполкоме с другим старым партийцем — Акимовым⁴²).

Участники партийного мероприятия (Воробьёв, Романов, Сергушев, Таганов) отметили, что Костин всех и всё критикует, однако не демонстрирует способности к конструктивной деятельности. Примечательно, что К.А. Рождественский высказался против посылки Костина в президиум губисполкома, так как, по его мнению, это только затормозит работу⁴³. Сергушев также отметил, что в президиум губисполкома Костина не стоит направлять «потому только, что у нас слишком далеко зашли личные симпатии и антипатии». Согласно протоколу заседания, Каганович подтвердил слова Рождественского и Сергушева⁴⁴.

По данному персональному делу была принята резолюция, предложенная Сергушевым: выход Костина из исполкома был квалифицирован как нарушение партийной дисциплины, в связи с чем ему вынесли «решительное осуждение» и поставили на вид. Тем не менее отказ Костина от исполнения обязанностей члена исполкома был утверждён 6 голосами «за» при 2 «против» и 1 воздержавшемся. Вместо Хахарева губком направил в президиум губисполкома Рождественского⁴⁵.

Четвёртым пунктом повестки дня оказался вопрос о председателе отдела гражданского управления губисполкома (до того — губернском комиссаре) В.И. Сибирякове. Он обвинялся в том, что получал двойное жалованье — от Нижегородского совета рабочих депутатов и профсоюза грузчиков. «Всплыли» и другие факты неблаговидного поведения этого крупного советского деятеля. Сергушев предложил отозвать Сибирякова со всех постов, поскольку тот — «наша клиентура, хотя он и не член нашей партии»⁴⁶.

Мнения выступивших разделились. Романов, который тесно сотрудничал с провинившимся в губисполкоме, предложил не выносить сор из избы и просто отозвать Сибирякова со всех постов на основании того, что он не член большевистской фракции. Эту позицию поддержал А.И. Писарев. Рождественский выступил за формальное расследование, а И.Г. Макаров предложил в первую очередь выслушать объяснения самого обвиняемого. Каганович подчеркнул, что губком должен принять решительные меры и удалить Сибирякова со всех ответственных постов. После прений члены губкома приняли предложение своего руководителя и признали возможным использовать вчерашнего соратника лишь в качестве «практического технического работника на неотвечественных постах»⁴⁷.

Правда, на этом история с «неподходящим человеком» не закончилась. 20 июля вопрос о Сибирякове вновь рассматривался на заседании губкома, где Романов дал объяснение по поводу соответствующего постановления губис-

⁴² Там же, л. 11–11 об.

⁴³ Там же, л. 12 об.

⁴⁴ Там же, л. 13.

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, л. 15.

⁴⁷ Там же, л. 14 об., 17–17 об.

полкома⁴⁸, озвучив мнение большинства его членов о том, что «получение им двойного жалования не служит достаточным основанием отзыва его с поста. Его можно отозвать под другой мотивировкой, например, как не члена партии»⁴⁹. Романов, а вслед за ним Кузнецов предложили пересмотреть постановление от 29 июня. Однако члены губкома, приведя новые аргументы не в пользу Сибирякова, высказались (8 против 4) за отказ от пересмотра. Более того, было принято постановление «О редакции отзыва Сибирякова», согласно которому «постановление Губ. К-та о редакции отзыва обязательно для фракции партии Губисполкома»⁵⁰. На освободившееся место председателя отдела гражданского управления был делегирован Костин⁵¹.

На заседании губкома 20 июля был рассмотрен и ещё один интересный кадровый вопрос — о переводе ряда видных нижегородских партийцев в Москву. По словам Машковцева, Я.М. Свердлов озвучил решение ЦК партии об отзыве т. Романова в аппарат ВЦИК. «Мотивировал этот отзыв т. Свердлов тем, что в Нижегородской организации происходят нелады и кроме этого Москва нуждается в работниках». Вместо Романова Москва направила в Нижний Новгород Г.Ф. Фёдорова. В свою очередь, Таганова отзывали в Наркомпрос⁵².

По поводу перевода нижегородцев в столицу развернулась оживлённая дискуссия, которая, помимо прочего, даёт представление об отношении провинциальной партийной номенклатуры к директивам из центра. Так, Костин призвал «принципиально принять постановление ЦК партии, но исполнить его через некоторое время после того, как присмотримся к тов. Фёдорову». М.М. Карклин предложил просить ЦК оставить в Нижнем и Романова, и Таганова, поскольку они пользуются популярностью в массах. Карклину возразил Б.И. Краевский: «Если центру нужны тт. Романов и Таганов, то мы должны их дать и только просить центр, чтобы только дали нам вместо них другие силы». Сергушев призвал своих соратников отпустить Романова и Таганова на новое место службы, поскольку ЦК считает целесообразной такую «сменку» партийных кадров.

Таким образом, никто из нижегородских партийных вожakov не выразил беспрекословного желания подчиняться директивам из центра. Даже самые дисциплинированные были склонны внести коррективы в постановление высшего партийного руководства. Черту под дискуссией подвела реплика Романова, который попросил губком освободить его от занимаемой должности⁵³. Причём старый большевик посетовал на «тяжесть работы в Нижнем, тем более, что Губ. Комитет иногда совершенно придерживается своеобразного толкования своих прав и затрудняет работу Исполкома»⁵⁴.

В итоге губком поддержал предложение Таганова просить ЦК о разрешении остаться ему на один месяц «для устройства дел в Комиссариате» и принял к

⁴⁸ 18 июля состоялось заседание губисполкома, участники которого постановили «предложить Губ. Комитету Р.К.П. большевиков на ближайшем заседании пересмотреть этот вопрос. Вопрос о заместителе на пост Губернского Комиссара оставить открытым до разрешения его в Губернском Комитете Р.К.П. (большевиков). Опубликовать в печати заявление тов. Сибирякова об уходе с занимаемого поста вследствие переутомлённости и слабости здоровья» (ЦА НО, ф. Р-56, оп. 1, д. 6, л. 69–69 об.).

⁴⁹ Там же, л. 37.

⁵⁰ Там же, л. 38.

⁵¹ Там же, л. 40 (постановление губкома РКП (б) от 20 июля 1918 г.).

⁵² Там же, л. 38.

⁵³ Там же, л. 39.

⁵⁴ Там же, л. 39–40.

сведению заявление Романова об отъезде из Нижнего Новгорода (московского назначенца Г.Ф. Фёдорова делегировали в президиум губисполкома с правом совещательного голоса⁵⁵).

На заседании 27 июля был утверждён постоянный президиум губкома в составе Кагановича, Сергушева и Машковцева⁵⁶ и вновь рассмотрен вопрос о перемещении Романова в Москву, причём обнаружились новые нюансы проблемы. В частности, после выступлений С.К. Козлова, Краевского, Сергушева и Кагановича, предложивших вопрос по его кандидатуре не пересматривать⁵⁷, слово взял Карклин. Он заявил: «Мы должны считаться с массами, а отъезд т. Романова произведёт на массы неблагоприятное впечатление. Губернский Комитет также должен считаться и с мнением Исполкома. Высказывается за то, чтобы перерешить этот вопрос и чтобы т. Романов остался до получения из ЦК нового извещения о нём».

Вероятно, решающую роль при рассмотрении данного персонального вопроса всё-таки сыграли межличностные отношения в губернской партийно-хозяйственной элите, что в очередной раз подтвердили итоги голосования: «Без пересмотра 7 гол[осов], против 3. Чтобы послать все материалы в Центр — за 7, против 3». На этом фоне контрастно выглядело решение вопроса о Таганове, рассмотренного — без каких-либо обсуждений — сразу же за «романовским». Как гласит протокол заседания, «решено оставить решение Губ. Комитета [от 20 июля 1918 г.] в силе всеми против одного»⁵⁸.

Даже после отъезда Романова в Москву в высших «эшелонах власти» губернии продолжались трения, о которых можно узнать, например, из протокола заседания губкома от 31 июля. На нём Каганович сделал внеочередное заявление «о собрании части активных работников совместно с частью членов Губ. Комитета, явно конспирирующих от остальной части Губкома, очевидно направленном для борьбы с таковым»⁵⁹. Губком постановил поднять вопрос о выяснении взаимоотношений на очередном заседании фракции губисполкома.

Консолидация партийно-хозяйственного актива была весьма актуальной проблемой. С конца июля на заседаниях губкома ключевой стала тема «чехословацкого движения» и борьбы с ним. Поэтому продолжилась активная работа по налаживанию бесперебойного функционирования административного аппарата губернии (при сохранении руководящей роли губкома)⁶⁰. Так, 21 августа на заседании губкома (по заявлению Кузнецова) был рассмотрен вопрос «о халатном отношении членов исполкома к заседаниям». Решено «принять решительные меры к понуждению тт. — выписать для опубликования списка неаккуратных членов для исключения, причём ранее затребовать от тт. объяснений, почему они не посещают заседания»⁶¹.

⁵⁵ Там же, л. 40.

⁵⁶ Там же, л. 42.

⁵⁷ Там же, л. 42–43.

⁵⁸ Там же, л. 43.

⁵⁹ Там же, л. 45.

⁶⁰ При этом политика концентрации власти вызывала критику некоторых членов губернской партэлиты. Так, на заседании губкома РКП(б) 11 сентября после доклада Кагановича член этого партийного органа А.В. Савельева заявила, что «ей кажется ненормальным объединение Президиумом всех функций, благодаря чему не видно работы комиссий, каковые существуют только на бумаге» (Там же, л. 61).

⁶¹ Там же, л. 53.

Осенью с подачи губкома в губисполкоме произошли новые кадровые перестановки, которые окончательно установили баланс властных полномочий между указанными органами губернской администрации при явном лидерстве партийной ветви. Важное в этом отношении заседание губисполкома прошло 26 сентября. В составе его президиума на тот момент фактически работали М.М. Карклин и С.А. Левит (С.А. Акимов «почти никогда в Президиуме не был»)⁶². Губком предложил ввести в состав президиума ИК С.К. Козлова, И.С. Шелехеса и А.И. Таганова, причём последний рекомендовался на пост его председателя. Е.М. Канторович высказался против, «указывая, что на председательский пост нужен человек с железной волей». Парируя его реплику, секретарь губкома Сергушев объяснил, что кандидатура «обсуждалась в Губкоме очень долго и тщательно, были взвешены все слабые и хорошие стороны... при теперешних обстоятельствах кандидатура является самая подходящая»⁶³. Пройдя процедуру обсуждения, Таганов был утверждён в должности при следующем соотношении голосов: 9 «за», 3 «против» и 3 воздержались. Сразу после этого Шелехеса и Козлова избрали членами президиума ИК при одном воздержавшемся⁶⁴.

Через несколько месяцев (5 декабря) не кто иной, как Таганов, заявил на пленуме губкома, что «работа Губкома ему известна как Председателю Губисполкома, он имеет частые взаимоотношения с Губкомом и указал, что сильных трений никогда не было, а если были, то они рассматривались из чисто партийной точки зрения, дальше т. Таганов указал, что взятый курс Губкомом несомненно даст очень много для укрепления Советской власти». А перед этим другой выступающий, С.К. Козлов, прояснил, кому персонально принадлежит заслуга по налаживанию бесперебойной деятельности местного административного механизма: «Как только за работу взялся т. Каганович, то везде вместо прошлого хаоса вводился новый правильный порядок»⁶⁵.

Очередной виток «конструирования» революционной власти в Нижегородской губ., на этот раз под доминантой большевиков, закончился. К осени 1918 г. личностно-психологический фактор удалось на время обуздать и подчинить прагматическим задачам политического выживания и формирования жизнеспособного административного аппарата довольно скромными силами правящей партии и (поначалу) её политических союзников. Благодаря появлению в губернии сильной личности, не обременённой субъективными привязанностями и обязательствами в местных руководящих кругах, вследствие энергичной работы по концентрации власти и отстаиванию лидирующей роли губернского парткомитета (в котором, в свою очередь, центром принятия решений стал президиум) была создана достаточно эффективная «вертикаль власти». С её помощью большевикам удалось выстоять и сохранить право на продолжение социально-революционных преобразований как в борьбе с внутренними кризисами, так и в ходе противостояния внешней – «белочешской» – угрозе. Причём национальный фактор, судя по всему, не играл существенной роли в межличностных и межгрупповых «баталиях», что было обусловлено преимущественно интернационалистским (как в идейном, так и в кадровом смысле) характером самой власти.

⁶² ЦА НО, ф. Р-56, оп. 1, д. 6, л. 86 об.

⁶³ Там же. Вероятно, в создавшихся критических условиях в нижегородской партийной элите было достаточно одной личности «с железной волей» – председателя губкома партии Кагановича. Изобилие таких личностей как раз и приводило к стихийным всплескам групповщины, местничества и конфликтности.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ГОПА НО, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 3.